

М. В. Сяров

СВІДЧЕННЯ КРИМСЬКИХ БОЛГАР – ЖЕРТВ ДЕПОРТАЦІЇ

Одним із найдраматичніших моментів вітчизняної історії є питання депортації різних етносів з території Кримського півострова в 1944 році. Акт переселення на Урал, здійснений радянською владою, став трагедією для багатьох представників національних спільнот, що на той час проживали в Кримській АРСР. Про цю сторінку історії кримських болгар за останні два десятиліття накопичилося чимало спогадів. Безперечно, свідчення очевидців є необхідним джерелом для пошуку та винайдення істини, адже за офіційною статистикою, документами, таблицями ми не знайдемо головного – долі конкретної людини. Проте саме з долі окремих людей складалася доля народу.

1944 рік для спецпереселенців з Криму був найжорстокішим зі всіх, які їм довелося пережити під час війни. Саме тоді випробували вони на собі жахи останніх місяців окупації, підбадьорилися, коли прийшло звільнення; були приголомшені новою бідною – насильницьким виселенням невідомо за що у віддалені від батьківщини місця; були змучені голодом і фізичним виснаженням, убиті горем від втрат рідних і близьких. На всі ці поневіряння накладало відбиток ставлення місцевого населення як до «ворогів народу».

Багато з них після реабілітації опинилися у м. Мелітополі. Центром болгаристики Мелітопольського державного педагогічного університету імені Богдана Хмельницького проводиться планомірна робота зі збору свідчень жертв депортації. Нижче друкуються деякі з них.

**2009 р., 18 листопада. Інтерв'ю із Шейдеровою (дівоче прізвище Каражева)
Нелею Еммануїлівною, 1940 року народження, жительки м. Мелітополя
Запорізької області, проведене М. Сяровим та Н. Красько**

«На Уралі мы были в Молотовской (Пермской) области. Из Крыма ... не из Кишлава, а Малый Бурундук, сейчас называется Муромское. Обычно называлось Почта. Эти все из Тарагельдов, девчата, но мы там только родились в Тарагельдах. Теперь оно называется Сенное.

Отец, Маноль, был в партизанском отряде. У него партизанский билет есть, все есть. Он с 1913 года рождения. Когда партизанили, они все время находились в лесу. Потом, как только немцы ушли, все освободили, нас стали собирать сразу НКВД-шники всех, всех, всех. Я помню, как только немцы начинают бомбить, то наши все в лес уходят, в горы. Помню, один раз, дедушке, наверное, 70 было. И они все: мама с сестрой и бабульки – и они все в лес уходят. Покушать берут и все. А я как раз спала, и они меня за кровать туда затолкали, положили за чемодан и я осталась спать, и дедушка остался. И пришли и немцы, и румыны, и они наверно ж знали, где партизанские семьи, где какие дома. Искали, этими штыками перерыли всю кровать, чемодан открыли, раскидали. Говорю: «Мама, а если б я в это время проснулась?» Как-то так решили, что все

обойдется. Когда отец получал эти награды, он их получал после войны, очень радовался. Мы говорили ему: «Папа чему ты радуешься, тебя под одну гребенку со всеми, выкинули. Ты вспомни, как ты рисковал, как ты рисковал».

Была у нас, Толока называли, речка, грязь – весной и летом высыхала, коровы туда приходили, днем хозяйки туда приходили доили их. И вот нас выселяют, а коровы все кричат. Кто-то подоил и вылил, чтобы не кричала. Моя бабушка была слепая, а мама сварила курицу с рисом и забыли ее, и она побежала забрать. А там уже ... Кто остался, все громят, вытаскивают все, орудуют. Так она взяла с перины высыпала весь пух и подушки все высыпала, только дедушке взяла нормальную подушку. А потом мы набирали солому в них, там, на Урале, и спали. Говорила, хорошо я хоть так сделала, на чем бы вы все спали?

Что удалось с собой забрать? Деньги, которые мама разделила на четверых и вшила всем в воротники. Июнь месяц, было жарко. Сколько было одежды, она старалась на нас побольше надеть. Помню, что меня били – не хотела, жарко же, чтобы столько одежды на себя надевать. Мама даже зимнее пальто на себя надела, потому что одна машина полторка – на четыре семьи. Что там можно было забрать.

Собирались быстро. В обед прибежал к ним бригадир и сказал: «Уходите, женщины, с поля, хватит цапать, завтра вас будут высылать». И вот это, что за ночь смогли. Хорошо, что у наших домашняя лапша была: резаная и сухая. Когда нас где-то в поле останавливали, мужчины искали какой-то хворост, топили, а женщины готовили. И вот хорошо, лапша, вода закипит, сразу лапшу кинули и быстренько. Нас все-таки шесть человек было. Это раз в день, в обед. А утром и вечером – кто что взял из дому. Бабушка, дедушка, мы с сестрой и отец с матерью. Папин старший брат с семьей отдельно.

Была скотина, пчел у нас сколько было. Мой дедушка был самый богатый в селе. Пчелы были, коровы были, барашки были, все осталось. Немцы ушли, ничего не забрали. Во время оккупации румыны резали, забирали, а немцам незачем было. У нас во всяком случае ничего не забрали. Две коровы было. Наши пришли, что-то забрали, что-то не забрали. Просто оставили и все.

Нас погрузили в машины, потом на станцию и в эти теплушки. Нас много было в тех теплушках, и Галяковы, и Делижановы, и Бастаржиевы. Всех посадили в теплушки эти и повезли. И приехали мы в Молотов. Ехали наверное неделю целую. Нас останавливали, мы там мешали, видно, движению, в поле очень долго стояли. В Молотов привезли, и потом уж стали формировать, кого – куда. Нас всех на повалку леса отправили. И вот, если вы видели фильм «Долгая дорога в дюнах», каждый раз мама вспоминала и плакала, как она приходила, и руки от сучьев все в крови были. Бабушка делала какую-то мазь: смалец, что-то еще, и она мазала. Село забитое, ничего ж не было.

Я сколько дралась в школе, сколько меня ругали, наказывали за то, что я всех била. Это уже позже, когда мы переехали. Они какие-то задохлики были, я была такой крепыш. Как скажут: «Ах, ты, болгарка, предательница». А все ходили в фуфайках, я его за фуфайку хватаю, кручу-кручу, пушу, он катится, бывает все нормально, а бывает мордой прям в стенку, кровь пошла – меня к директору вызывают. Боже, сколько было всего. Мы жили в районном центре Кудымкар. Деревянные тротуары. Утром рано идешь, обязательно пьяные на них спят. Моя сестра до сих пор там живет. Москотовы они. Москотов был бабушки моей зять, муж моей тети. Он был в Крыму председателем колхоза. Сколько делал добра людям... Всех подряд... В Кудымкаре в школе училась. И учителя так же относились. В школе у нас был директором Мейбарк – еврей. Меня неодно-

кратно гоняли. Учительницы моей племянника я избила сильно, и он тогда вызывает. А я тогда уже говорю: «А чего он меня предателькой называет? Какая я ему предателька?» А тетя, папына сестра двоюродная, работала в горно, и она это все услышала и он (директор) говорит: «Как это вы детей воспитываете? Почему детей вот так обзывают? Вы не знаете, что там и как там было».

Мы приехали в Молотов, нас распределили на Черный Исток на Каме. На этой Каме мы жили пока вот этот лес валили. Мы там жили до самой весны, когда начали льды идти. Потом стали поднимать вопрос о сельском хозяйстве. В Черном Истоке жили в начале в бараках, это конюшни. Никак они не были обустроены внутри. Ни настила никакого. Все на полу стелили, укрывались. Прожили с лета до следующей весны. Зимовали. Сами себе стали находить квартиры. Нам стали сдавать, и мы, кто ушли в одно село, кто в другое. В конюшнях прожили только лето. На осень, как началось холодать, переселились в эти дома. Света вообще не было. Я в 48-м только первый раз увидела свет и то только потому, что папа был механиком и то, когда нас уже перевезли туда, на сельское хозяйство. А по ту сторону дома жил директор МТС, провели нам свет. Выключателей не было. Надо было лампочку вкручивать и выкручивать в каждой комнате. И вот каждый вечер дедушка включает и потом спать ложимся, он сам выключает. Был высокий такой. И девчонки приходят, пермячки, у них ни у кого никогда света не было. Я беру на табуретку становлюсь, беру качалку, придавлю лампочку, она загорается. Слезаю, ухожу. Дед заходит, говорит: «Кто зажег?» Дедушка, сама зажглась.

А радио? Вот, эти тарелки черные. Он сидит на кровати, а над ним у нас такие палаты, мы спали. Он говорит: «Вот интересно? Когда они успели позавтракать, что уже и поют». Мы еще в постели лежим. Если ему какая песня понравится, он говорит: «Неля, кричи». Я подхожу и кричу туда: «Повторите, дедушке понравилось!».

Спали на полу. Ни о каких кроватях и речи не было. И все на кострах себе на улице готовили. Заходили туда в комнату и каждый в своей ячеечке и жили. Родителей трудоустроили. В лес, сразу в лес. Его на трактор, а ее на лесоповал. На осень из этого ручья уехали. Рядышком. Мы долго там жили, год или больше. Весна пришла, нас сразу на Кудымкар, в район, и нас несколько семей туда, механизаторов всех туда отправили в МТС. Называлась Москвинская МТС. Туда нас всех послали: Арабаджиевы, что в Акимовке живут, дядя Игнат с тетей Марусей, Галяков дядя Степа с тетей Марусей.

Еще что мне не нравилось, когда партизаны приходили. Они же приходили вечером, ночью. Так себя вели, совершенно неосторожно. Мама всегда возмущалась: «Боже, но придут, перережут нас всех из-за того, что они напились, поют, дурака валяют. Они ушли, а мы все остались». Когда приходили, им на стол накрывали, кушали, сведения какие-то они давали, им давали, что делать. Я помню папа ездил в Керчь, там было много лошадей. Дикие уже. Видно колхозные, люди поужали. И они для партизан лошадей ловили там. А женщины рассказывали, что там заминированные поля. Так вот, пока мы эту неделю его ждали с этими лошадьми, тут все мои поседели.

Мы получили вызов. Мамины братья сделали вызов, и мы переехали в Узбекистан в 55-м в июне или в мае. А в 56-м, когда освободили, мы уже переехали сюда.

В Кудымкаре жили не в самом, а рядом село. Мы дом свой построили. Там все построили дома, деревянные. Отец работал бригадиром, механиком, а мама работала учетчиком в тракторной бригаде. Сажень на плечо. Работали и болгары, и местные поселенцы. В колхозе, за трудодни. Они очень бедно жили. Налоги какие были. Эти пермячки утром встали рано, корову подоили, чтобы дети не видели, все сдали. Надо было все сдавать. Коровы по 2–3 л молока давали. У нас и корова была, дедушка был

хозяин. Стали выплачивать деньги людям за дома, которые раскулачили и забрали. Это не так давно, лет 10 назад стали оплачивать стоимость дома. У нас же тоже дедушку раскулачили. Все забрали, дом не забрали потому, что у дедушки не было наемной силы, все делал своими силами. Забрали лошадей, забрали плуг, косилку – все забрали. Он долго в колхоз не вступал, сердился. Потом уже – делать нечего. Уликов было много, все бросил при депортации. Было ведро – тенджера называется, к низу как клещи. В нее дедушка забрал с собой мед. Она и тут у нас была, с собой привезли. А потом папа механиком работал, ему нужно было сдать план – цветной металл и отнес ее, сдал, медная была. В Кудымкаре уже пчел не заводили.

Поначалу народ местный очень плохо относился. Приехали «враги народа». Вот что-то поменять на картошку хотя бы. Мы приехали весной, все посадили. Нечего садить, нечего кушать. Только то, что зарабатывали. А потом уже поняли, что все нормально. Меня всегда возмущало. У них были села, в 37-м всех мужиков забрали, 5–6 мужиков на все село осталось. Ведь вы же говорите, что они не виноваты, а как же вы можете верить тому, что мы виноваты. Ведь ваши также пострадали. Всех мужиков, у них там страшно было. Поначалу ничего не хотели менять. По коми-пермятски «нету» значит «абу». Приходишь, спрашиваешь, а они: «абу». Папа говорил: «Это страна Абу. Ничего нету». Уже потом, когда нам корову выделили, потом поросенка купили, потом материально стали жить хорошо. Страна Абу.

Вернулись уже в 56-м. Мы все сюда, как сумасшедшие, рвались в Крым. Когда приехали в Крым папа с Галяковым дядей Степой, им дали 24 часа – вон из Крыма. Мы тогда тут осели. Мы, конечно, хотели в Белогорск, на свои места. В 56-м можно было кроме Крыма – везде. Только не в Крым. В 56-м поехали посмотреть, можно ли туда переехать. Приехали в МТС Белогорскую, а там же все их знают. Ой давай туда, сюда, у нас есть место, давай! Участковый пришел: «24 часа, чтобы вас тут не было, а то я вас еще раз отправлю». Тогда мы тут осели, кто в Акимовке. Ну, а, вообще, наши все поехали на Кубань и на Кавказ, в Есентуки.

Из Узбекистана возвращались сами. Мы приехали сюда, а на вокзале два брата Делижановых, дядя Коля и дядя Семен. «О, Маноль, ты откуда?». Тогда, кто хотел встретиться, все встречались на вокзале. За 300 рублей тогда мы сняли эти две комнаты. Потом папина двоюродная сестра тоже приехала. Папа работал, ему дали участок этот, и он построил дом.

...Мы в этот Крым все время ездили. Вот он нас привез в Крым и в дом привел. Па, вот за этим домом мы столько плакали? А он как-то осел, а доски были по пол-бревна. Хозяйка говорит: «Доски еще ваши».

Дорогой умирали. А там сколько поумирало. Греков много умерло. С +40 на –40. Старики, которые поехали без детей, они были немощные, не работали, ничего не получали, они поумирали. Паек давали работающим, а для неработающих, по-моему, 400 г давали хлеба. На бабушку и дедушку ничего не давали, давали нам с сестрой и папе с мамой. Благодаря, что мы всей семьей жили, мы выжили. В 55-м уехали в Узбекистан, прожили ровно год у родственника. Потом приехали сюда, на вокзал, нас встретили Делижановы, пошли искать объявление, где сдается квартира. Нашли. На Красной Горке сдается полдома. Люди по неделе на вокзале жили, пока не найдут жильё.

Возвращались, из вещей сундук – и два матраца зашитые, постельное, одежда. Мы не покупали ничего там. Жили одним днем. Ждали – вот освободят. Каждый день газеты читали. Нас уехало шестеро, а вернулись – четыре. Бабушка с дедушкой умерли на Урале. Похоронены в Кудымкаре. Может быть, мы и остались в Узбекистане, да климат

не подошел. Жара страшная, как они плакали. Идет по Каме пароход – везет крымский народ. Ах, Урал ты, Урал, лучше б я тебя не знал.

Приезжали в Крым каждый год. В нашем доме жили три семьи. Одни местные и две тоже высланные из России. Одних туда, других сюда».

**Уривок з рукопису Вербової Євдокії Степанівни,
1918 року народження (померла у 2008 р.)**

«А в 1944-м году Красная Армия нас освободила. А весной (даже не знаю как писать) после таких трудностей и такого страха наш военкомат забрал всех мужчин, кто остался в живых. А это были, в основном, наши крымские болгары, греки, армяне, немцы и много других наций. Забрали в трудармию весной 1944 года.

А летом, 24 июня, утром, в 7 часов утра, прибыли военные машины с солдатами. Машины поставили на краю деревни, а солдат распределили по 2 человека на 1 дом. Пришли и стали в дверях. И посмотрели на ручные часы и говорят: «Вот 20 минут, собирайтесь». И пошли к машинам. Скажите, пожалуйста, что можно было взять с собой? Я пишу и плачу. Я могла взять ребенка и кое-что из одежды, а из продуктов – ничего. Пригнали туда к машинам, стали грузить, но ничего не давали брать с собой, только людей.

А у меня жили эвакуированные кубанцы. Они мне принесли кое-что, что я приготовила взять с собой (т. к. до этого выгнали татар, и все говорили, что всех выгонят наций, и мы все готовились). Было все приготовлено, но там, где нас грузили, осталось все. Они толкали в машины только людей, а продукты и одежда вся остались. А дома все-все: корова, 2 кабана, двухлетний бычок, теленок, уток несчетно, 7 ульев пчел. А меня, которая работала с 10 лет и была стахановка в 24 года, после такой трудной жизни выгоняют голой и босой, и куда – неизвестно.

Если бы видели, как коровы привязанные, недоенные, мычали, как собаки, были, как люди плакали! А я молодая, и с 3-летней девочкой, сидела в углу машины и плакала. У меня в этой деревне Колпак не было никого своих, а мужа забрали, и я не знала, где он. Меня выгнали, и он тоже не знал, где я.

И вот привезли на станцию Ички, сейчас – Советское. Там стояли вагоны, в которых возили скот, была посыпана солома. И нас стали грузить в эти вагоны. Нагрузили и закрыли. Вы себе не представляете, как люди все плакали. Везли, везли, на какой-то станции остановили, чтобы покормить нас. Принесли какую-то черную баланду и просяной хлеб. А он такой колючий, что нельзя и в рот взять. И покормили, и опять закрыли, как преступников.

И так везли, и никто не знал, куда. Когда объявили, что ст. Березняки, тогда люди постарше говорят: «На Урал везут». Там, в Березняки, нас всех, по 10 человек, погнали в баню. Поезд стоял долго, пока всех сгоняли, и все собрались. Поезд поехал дальше.

Ехали долго. Говорят, ст. Чусовая: опять будут кормить. Открыли вагон. А на той станции стояли еще несколько эшелонов, и в одном из них ехала моя мама со своей семьей: бабушка и трое детей, самая старшая – 16 лет. Они увидели, что наш поезд – Ичинский. И давай проситься у начальника, чтобы их пустил поискать меня. И они бегали по всем вагонам и кричали: «Калпакские есть?» И вдруг я слышу: «Дуся Вербова есть в вашем вагоне?» И я вышла, и тут пришел наш начальник эшелона. А мы плачем. И я стала проситься к маме в вагон, чтобы одной семьей ехали. Уже куда повезут, чтобы вместе. А то мама с такой большой семьей, 5 человек, и на Урал, а трудоспособных нет. И нам разрешили собраться. Я взяла свой узелок и Зиночку и пошла в их вагон. И поехали.

Опять, сколько мы ехали, не знаю, потому что мы тогда не знали ни время, ни число. И вот объявили: станция Соликамск. Загнали наш вагон в самый тупик, платформа очень высокая, какой-то обрыв. Я прыгнула, и сестра с братом, а остальных сняли руками. Потом оказалось, что это пристань, на которой нас должны грузить на пароход и куда-то везти.

И вот поступило распоряжение – «можно грузиться». Погрузили, и поехал пароход: «чух-чух». И позже, сколько ехали, говорят: «Город Красновишерск». И там нас выгрузили, и согнали в одну школу для прохождения карантина. Там нас продержали 12 дней. Потом распределили. У кого семья маленькая и трудоспособная – оставляли в городе. А большие семьи, такие, как наша – 7 человек и 1 трудоспособная, – то таких посадили еще на пароход, и повезли вверх по реке Вишера, и привезли в поселок Говорливое.

Нас там выгрузили на берег. Пароход ушел, а мы остались на берегу. Кругом лес, ничего не видно: ни дороги, ничего. Все плачут, дети плачут, хотят кушать, а нечего. Нас привезли, таких семей 11 больших и 2 семьи старики. Вот мы ждали там часа два, потому что нам сказали, что за нами приедут. Когда уже после обеда смотрим – едут подводы, брочки. Нагрузили узелки, бабушку, Зину мою (3 года ей) и Ваника (40-го года), и начали их привязывать к брочке. А я и мама расплакались, а они говорят: «Здесь такие дороги, что они могут упасть с брочки».

И вот едут, а я иду рядом и света белого не вижу от слез. Плачу на весь лес, приговариваю: «За что, за что в такую тайгу!» А мошки, комары, я вам передать не могу! А брочка перекидывается с бока на бок: вот-вот перевернется, аж дух захватывает.

Ехали, ехали, и привезли нас на поселок в тайгу, поселок Мясная. Там никакой работы, кроме [как] летом сенокос, зимой лесорубка, весной лесосплав. Вот и умирай! У нас работать некому: из 7 человек одна я рабочая. Сестренке 16 лет. Ну, пошли мы на сенокос, взяли косы. Я уже дома в войну косила и умела косить. Дали косу и Килечке, потому что косить было легче, чем грести, потому что одни пни.

Поселили нас в деревянных домиках (1 домик на 2 хозяина, на две стороны). А там уже были наши крымские татары: в одной половине они, а мы в другой. И это был уже месяц, как мы из дома. Был июль, как раз сенокос. А дожди, по колено воды. А вода известковая, а мы все в туфлях. Ноги поразъедало, опухли, ничего не помогает. Плачем и идем, хромая, на работу, на сенокос.

Спасибо и царство небесное одной бабушке! Встретила и говорит: «Мы вот, из старых, раскулаченных, нам никто не говорил, что можно сделать и чем намазать, чтобы ноги не разъедала вода». Она говорит: «Милые деточки, вы возьмите на складе лапти, а туфельки снимите. В лаптях вода не задерживается, и не так ноги преют. А потом, вот вы в лесу и возьмите с елки пушок, который висит, и проложите пальчики, и у вас все пройдет». И действительно, за два дня все прошло.

Мы косили сено до самого мороза, а потом началась рубка леса. Я пошла до коменданта (помню, был такой Копытов) попросить отпустить сестричку в город учиться. Ходила я к нему, наверно, разов 7. И вот, однажды, пришла, сижу в коридоре. Он меня видел, но не зовет в кабинет, а я сижу и плачу. Думаю: «Как же это дитя пойдет на рубку леса. Ей же надо учиться!» И не заметила, как меня кто-то тронул за плечо и спросил: «Чего плачешь? Пойдем в кабинет!» А это, оказывается, был с города уполномоченный по поводу учебы детей. Вот он говорит коменданту: «Ты почему не направляешь учиться в город?» Вот он и дал разрешение Килечке на учебу, и она уехала в город учиться. А я пошла на рубку леса. Мы Киле дали одну детскую карточку, хлебную, она там жила у маминой сестры.

А мои мучения начались. Сами знаете, женщина на лесозаготовке, но я работала. С мужчиной на пару мы делали по 2–3 нормы. Я ему, как работник, очень нравилась. Он был человек лет 45. Я получала по 800–900 руб. и 3–4 вторых, как бы ударных. Братик ходил за обедом. И как придет домой, говорит: «Мама, Дуся опят 4 вторых!»

Потом ему дали татарку, а меня соединили с Губаревой (тетей Олимпиадой). И мы с ней вдвоем тоже давали 2–3 нормы, но очень и очень трудно. И надо очень дружно, надо подрубить елку, потом ее спилить, свалить по ходу дороги, чтобы возчикам было удобно грузить. Свалим, она с одной стороны рубит сучки, я – с другой. Она лучковой крежует, а я успеваю собрать сучки, сжечь, и уже окапываю другую елку (окопать 1 метр снега глубины, и подрубить).

Вот так и работали дружно. У моей напарницы были козы, она носила каждый день себе молоко, поллитра, и мне чекушку, и всегда 3–4 картошки. Я две съедала, а две приносила Зине и Ванику. Они меня всегда очень ждали. Бывало, порежу кружочки и спеку на плите, и этому рады. Бабушка у нас была очень маленькая, смиренная и очень поделывива. Она всегда со своего пайка давала детям и говорила: «Да я уже старая, а детям надо расти». А мама, она умела все делить, как надо, всем, кому – сколько. Я получала каждый месяц премию: материал по 20–15 метров. А мама ходила с братиком, меняла по деревням на соленую ботву (ботву морковок, буряка, капусты, турнепса) и варила, добавляла ко всякому. И все были довольны.

Там, где мы были, дальше не было селенья, а была тайга и одни кладбища, по 3–4 гектара, да сваленные деревянные бараки. [Были] очень большие морозы, 50–55 градусов, а мы работали. Снега очень много в лесу: и 1 м, и 1,5 м. Но ходили, чистили дороги. Бывало, придешь (а ходили пешком 3–4 км), а никак не доберешься до своей делянки. Мне кажется, что если бы я [сейчас] поехала туда, я бы свои делянки нашла.

...А дома, в Крыму, где мы жили, все осталось, что было у нас нажито. Не знаю, и до сих пор не знала, что мы сделали, что нас за 20 минут выгнали. Но это нельзя описать. Это надо было только видеть и слышать, как люди плакали, собаки выли, коровы недоенные ревели, мычали, но никому нас не было жалко. Нас кидали на машины, а вещи остались на куче, где их бросали солдаты. Куда все это дели, кому досталось? Ведь сколько добра, одних только икон, которым цены не было, осталось. Но за это нам никто и копейки не заплатил. И вот теперь уже все выяснилось, что это был Сталин и Берия, а их уже давно нет, и теперь спросить не с кого. Что же мы за преступники были? Я сколько была на Урале, всегда плакала и спрашивала себя, потому что спросить не знала кого: «За что столько мученья?»

Лист Маврешко (дівоче прізвище Бойчева) Марії Іванівни, 1959 року народження, жительки м. Кримська Краснодарського краю, РФ від 24 січня 2010 р.

«...Коля, я твою просьбу так и не выполнила, к бабушке так и не съездила. Поэтому я могу тебе вкратце описать, как выслали наших родителей. Из воспоминаний нашей мамы (Трецкова Мария Андреевна, 1938 г. р., с. Кишлав, Крым).

Когда в июне 1944 года Сталин дал приказ выслать из Крыма всех нацменов, на руках у бабы Ноны и деда Андрея было четверо маленьких детей: дядя Митя, мама, твоя мама и дядя Костя. Тетю Аню забрали в Германию, и три сына были на фронте.

В тот день баба быстро собрала детей, теплые вещи, одеяла, подушки и какие были продукты. Было у них ведро смальца, мама всегда про это вспоминала и говорила: «Если бы не смалец, мы бы умерли». Они мазали его и ели. Куда их везли, никто ничего не знал. Поезд останавливался только на 15 минут. На одной станции успевали собрать дрова, на другой – набрать воды, на следующей – разжечь костер, сварить каши.

Бывало, даже, чайник еще не закипел, а уже кричат: «По вагонам!» В поезде умерла деда Андрея тетушка, старенькая была и больная, и на одной остановке ее похоронили. Мама рассказывала, что прямо вдоль железной дороги. Успели выкопать небольшую яму и уже кричат: «По вагонам!», они быстро ее положили, и загорнули как попало, и поехали дальше. Ехали в товарных вагонах очень долго, 15 дней. Когда привезли их на Урал, разместили по баракам. Местное население называли их «враги народа», никто с ними не общался, даже сторонились их. Хотят что-то спросить, а те обходят их стороной. Когда местные выкопают картошку, а потом они шли после и выбирали всякую мелочь. Обменивали свои вещи на продукты.

А вчера ходила к папиной сестре, тете Киле (урожденная Бойчева). Ей сейчас 84 года. Когда их выслали, ей было 18 лет. Говорит, что в Крыму они жили хорошо, зажиточно. Большое было хозяйство: куры, гуси, кролики, козы, корова, очень много было пчел. Все это бросили и ушли. Когда дали приказ быстро собираться, они надевали на себя столько вещей, сколько могли (июнь месяц). Хорошо, что были продукты: брынза в бочках. Так они в ведро положили брынзы, банки с медом, ведро смальца. На первое время продукты были. А на Урале их отправили работать на лесоповал. Кто валил лес – давали по 500 грамм хлеба, а кто грузил – по 700 гр. Конечно, продуктов не хватало, голодовали и тоже обменивали вещи. Многие ходили по селу побирались, но местные их очень обижали, перед носом дверь закрывали, говорили: «Вы враги народа, вас сюда прислали работать, а не русскую землю топтать».

Представь себе, девчонки по 18–20 лет грузили бревна на машины в кирзовых сапогах и целыми днями. Ужас! То, что они пережили, не дай Бог никому.

А та бабушка, из Варениковки, моего деда Бориса сестра, ей 4 декабря исполнилось 95 лет. Во время войны ее мужа, а также очень много и других мужчин, Колиного (мужа) деда, забрали на фронт, погрузили их на пароход, и только они отплыли, как немцы начали бомбить, и одна бомба попала на пароход, и он затонул, и все погибли. А она до сих пор ждет, что он вернется. Когда-то гадалка ей сказала, что в конце жизни вы встретитесь, так она и ждет его каждый день».